

EDN: KROOJC
УДК 81'271

Research on Language Conflict: Conflict Communication about Language and Language Units in the Sociolinguistic Aspect

Maksim A. Krongauz^{a*} and Anton A. Somin^b

^a*HSE University*

“Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation

^b*Russian State University for the Humanities*

Moscow, Russian Federation

Received 11.06.2024, received in revised form 30.08.2024, accepted 31.12.2024

Abstract. The article is devoted to the study of conflict communication in mono- and multilingual societies when language or its elements are discussed. Building on data collected from comments in social media, the article analyzes three types of conflict communication. First, conflicts in multilingual societies, when the influence of one language causes competition between units within another and, consequently, native speakers' different attitudes towards them (based on discussions about the Belarusian language and the influence of Russian on it). Second, conflicts in monolingual societies, when the speakers' reflection is simply aimed at evaluating units within the language outside the context of other languages (based on discussions about the Russian language). Third, conflicts in monolingual societies related to a foreign policy factor, that is, a result of the influence of one language on another in a foreign bilingual environment (based on discussions about the names “Belarus” and “Belorussia”). We show that the mechanisms of occurrence of the considered conflict communication are similar, despite the fundamental difference in language situations in mono- and multilingual societies. The main content differences are due to the fact that conflict communication in a multilingual environment is primarily associated with the competition of languages and language units, and in a monolingual environment – with attitudes towards them.

Keywords: sociolinguistics, language conflict, conflict communication, language attitudes, Belarusian, Russian.

Research area: Linguistics.

Citation: Krongauz M. A., Somin A. A. Research on Language Conflict: Conflict Communication about Language and Language Units in the Sociolinguistic Aspect. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 158–177. EDN: KROOJC

Лингвистическая конфликтология: конфликтная коммуникация о языке и языковых единицах в социолингвистическом аспекте

М.А. Кронгауз^а, А.А. Сомин^б

^аНациональный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

^бРоссийский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья посвящена исследованию конфликтной коммуникации, предметом которой является язык и его элементы, в одно- и многоязычных обществах. На материале комментариев в социальных медиа рассматриваются три типа конфликтной коммуникации. Во-первых, конфликты в ситуации многоязычия, когда влияние одного языка вызывает конкуренцию единиц внутри другого и, соответственно, различную их оценку носителями (на примере дискуссий о белорусском языке и влиянии на него русского). Во-вторых, конфликты в ситуации одноязычия, когда рефлексия говорящих просто направлена на оценку единиц внутри языка вне контекста других языков (на примере дискуссий о русском языке). В-третьих, конфликты в одноязычной среде, связанные с внешнеполитическим фактором, то есть следствием воздействия одного языка на другой в чужой двуязычной среде (на примере дискуссий о названиях «Беларусь» и «Белоруссия»). Показано, что механизмы возникновения рассмотренной конфликтной коммуникации сходны, несмотря на принципиальное различие языковых ситуаций в одно- и многоязычных обществах. Основные же содержательные различия обусловлены тем, что конфликтная коммуникация в многоязычной среде в первую очередь связана с конкуренцией языков и языковых единиц, а в одноязычной – с их оценкой.

Ключевые слова: лингвистическая конфликтология, социолингвистика, языковой конфликт, конфликтная коммуникация, отношение к языку, белорусский язык, русский язык.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Кронгауз М. А., Сомин А. А. Лингвистическая конфликтология: конфликтная коммуникация о языке и языковых единицах в социолингвистическом аспекте. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 158–177. EDN: KROOJC

1. О лингвистической конфликтологии и понятии языкового конфликта

Настоящая статья посвящена лингвистической конфликтологии – направлению лингвистики, ещё не вполне чётко очертившему собственное исследовательское пространство, а точнее, одному конкретному её аспекту:

изучению языковых конфликтов в интернет-коммуникации. Из вышесказанного следуют две задачи, которые мы ставим перед собой в этой статье. Первая – терминологическая: это попытка описать, что в разных традициях понимается под «лингвистической конфликтологией» и какие направления выделяются

в рамках неё, а также соотнесение русского терминологического поля с иноязычными, в первую очередь английским. Конечная цель – свести эти направления, найти в них общий инвариант. С этой задачей напрямую связана подзадача – описание различных пониманий термина «языковой конфликт». Вторая задача – собственно исследовательская: взяв в качестве объекта изучения конфликтное обсуждение языка и языковых единиц в интернет-коммуникации, мы хотим показать различные типы такой рефлексии и вписать это направление лингвистической конфликтологии в существующую (-ие) традицию (-и).

1.1. Для начала посмотрим, что под лингвистической конфликтологией понимается в русскоязычном пространстве. Интерес к систематическому изучению содержательных связей конфликта с языком возникает у российских лингвистов в 90-е годы XX века. Во второй половине 90-х годов и в начале XXI века в научных работах для обозначения лингвистических подходов к конфликту появляются термины «речевая конфликтология», «психолингвистическая конфликтология», «лингвистическая конфликтология» и «лингвоконфликтология». Так, среди первых таких трудов можно назвать вышедший в 1996 году в Санкт-Петербурге сборник «Аспекты речевой конфликтологии» с участием С.Г. Ильенко, М.Я. Дымарского и других (Aspekty rechevoi konfliktologii, 1996, Il'enko, 1996, Dymarskii, 1996) и работы К.Ф. Седова (Sedov 1996, 2002). Сегодня основным названием соответствующей отрасли науки в целом в России стала «лингвистическая конфликтология», а остальные варианты закреплены за разными ее направлениями и разными российскими научными школами. В центре лингвистической конфликтологии оказался объект, также получивший разнообразные названия: «речевой конфликт», «языковой конфликт», «коммуникативный конфликт». Каждый из этих трех терминов может использоваться по-разному – психологами и лингвистами, представителями разных направлений и школ, так что трудно говорить как о сходстве (синонимии), так

и о различии этих терминов (ср. (Golev, 2008, Mikhal'chenko, 2006, Murav'eva, 2002, Rechevaia konfliktologiia, 2008, Tret'iakova, 2000)). Следует упомянуть, что существуют и другие близкие понятия, отличающиеся, однако, от конфликта даже в рамках одной работы, например, «коммуникативная неудача», «конфликтный коммуникативный акт» (например, (Polkanova, 2010; Tret'iakova, 2010)).

Несколько огрубляя картину, можно сказать, что российская лингвистическая конфликтология делится на несколько почти не пересекающихся направлений. Одно из них близко к традиционной прагматике и основывается на понятиях коммуникативного сбоя и коммуникативной неудачи. Именно поэтому важной опорной точкой для него стала пионерская работа О.П. Ермаковой и Е.А. Земской (Ermakova, Zemskaia, 1993), применивших эти понятия к русскому языковому материалу и описавших типологию коммуникативных неудач. За прагматическим направлением закрепился термин «речевая конфликтология» (Aspekty rechevoi konfliktologii, 1996; Rechevaia konfliktologiia, 2008).

Для другого направления, получившего устойчивое название «лингвоконфликтология», характерен интерес к прикладным аспектам лингвистического исследования конфликтов, в частности к судебной лингвистической экспертизе, а также к оценке конфликтов в медийной сфере (Golev, Matveeva, 2006, Kara-Murza, 2014, 2020, Iurisljngvistika-2, 2000, Iurisljngvistika-10, 2010). Н.Д. Голев вводит понятие юридикации конфликтов и сближает лингвистическую конфликтологию с юрислингвистикой (Golev 2000, 2008), отраслью лингвистики, концепция которой была создана и разрабатывается в Алтайском и Кемеровском государственных университетах.

Наконец, третье направление с полным правом следует считать социолингвистическим. Оно связано с конфликтными столкновениями как отдельных людей, так и целых сообществ, носителей разных языков, причиной которых оказывается дву- или многоязычие (Bitkeeva, Mikhal'chenko,

2014, Mikhal'chenko, 2006, 2014). Соответственно, и понятие языкового конфликта в социолингвистике значительно отличается от первых двух направлений: здесь это конфликт между языками, то есть между их носителями в ситуации языкового контакта, как правило, постоянного, в частности, в рамках одного общества, одной страны.

Таким образом, с некоторой долей условности можно назвать эти подходы следующим образом: прагматический, юридический и социолингвистический.

Подчеркнём, что здесь мы намеренно рассматриваем всё то, что хоть как-то связано с языком и конфликтами на русском материале, хотя значительная часть описанного не имеет отношения к тому материалу, который мы будем анализировать в дальнейшем. Нам важно продемонстрировать принципиальное различие областей, получивших схожие наименования в русскоязычной науке. При этом наш изучаемый материал позволяет показать отсутствие строгой границы между прагматическим и социолингвистическим подходами (см. табл. 1).

Следует признать, что существуют и другие взгляды на лингвистическую конфликтологию. Так, в аннотации к (Kinderknecht, 2023: 45) статья определяется как «обзор отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики», и в эту область включаются даже работы по семантике слов типа *спор*, *насилие*, *война* или *борьба*. Основными направлениями лингвистических исследований в конфликтологическом русле считаются: изучение категории противоречивости в языке и речи, исследование вопросов нормирования языка, изучение понятийной сущности феномена конфликта и вопросов объекти-

зации концепта «конфликт» и смежных с ним концептов, анализ формул и текстов, отражающих конфликты реальности, в том числе текстов, содержащих языковые маркеры конфликтного потенциала, изучение деструктивных практик конфликта и поиск путей оптимизации общения, рассмотрение вопросов правового измерения лингвистического конфликта. В основе же типологии направлений исследования используются понятия внутриличностного и межличностного конфликтов, конфликта между человеком и группой, а также межгруппового конфликта.

Интересен также взгляд на речевые конфликты с точки зрения более широких исследований коммуникативного взаимодействия в сети. В (Zvereva, 2012: 227) речь, в частности, идет о конфликтных воспоминаниях: «Во многих группах, спорящих о прошлом, участники дискуссий придерживаются не просто разных, но взаимоисключающих точек зрения. В большинстве таких случаев при наличии "раздражителя" – противоположного мнения – язык коммеморации легко переходит в язык вражды. Особенно ярко на наших примерах это прослеживается в сообществах, где российские и украинские юзеры обсуждают значение Голодомора и роль ОУН-УПА в Украине. В таких группах идет борьба за коллективную память как за приоритет своей интерпретации прошлого. Спор о границах события и его трактовке становится отправной точкой установления связей "свой-чужие". Аргументы, как правило, вводятся при помощи экспрессивной лексики, а семейные воспоминания работают как наиболее сильные доводы в полемике. Отсутствие релевантных воспоминаний – знак неправоты оппонента».

Таблица 1
Table 1

Языковая ситуация / Предмет конфликта	Многоязычие	Одноязычие
Язык в целом	конкуренция языков	оценка языка
Единицы языка	конкуренция единиц внутри одного языка (но в контексте другого)	оценка единиц внутри языка

Это рассуждение вполне вкладывается в прагматическое направление, так как обсуждается конфликтная коммуникация на заданные темы, ее стратегии, методы и языковые средства. Но почти сразу на следующей же странице делается замечание, переносящее читателя в социолингвистическую сферу, а точнее – стирающее границу между этими направлениями: «Спорящие разговаривают друг с другом на двух разных языках. Эта распространенная практика (писать так, как удобнее), но в данном треде выбор языка приравнивается к выбору позиции по отношению к Голодомору» (Zvereva, 2012: 228). Фактически выбор языка рассматривается здесь как речевой прием, подчеркивания своей содержательной позиции.

Теперь же рассмотрим, какова терминологическая ситуация в англоязычной традиции. Надо понимать, что прямой аналогии понятию «лингвистическая конфликтология» в английском языке нет¹. Если мы говорим о социолингвистическом направлении, то наиболее точным переводом русского термина будет английское выражение *language conflict research*, что буквально означает 'исследование языковых конфликтов' и чаще всего (но не всегда!) предполагает изучение конфликтов, возникающих в многоязычных обществах при языковых контактах (ср. «Языковой конфликт на уровне общества – это, вне всяких сомнений, та область, на которой в основном и фокусируется исследование языковых конфликтов» (Darquennes, 2015: 11). Источником и объектом этих конфликтов являются языки в целом: их статус, функции в обществе и т.п. Так, например, в обзорной статье «Research on Language Conflict» Р. Н. Nelde, опубликованной в коллективной монографии «Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society», это направление исследований рассматривается исключи-

тельно как область контактной лингвистики с учётом того, что в истоке конфликта лежит социальное неравенство, а «проблема языка только усугубляет эти различия» (Nelde, 2005: 1350).

Близость к социолингвистическому направлению российской конфликтологии очевидна, ведь аналогичным образом понятие языкового конфликта трактует и «Словарь социолингвистических терминов»: «столкновение между языковыми сообществами (общностями) людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» (Mikhal'chenko. 2006: 276); примерно так же *language conflict* / языковой конфликт рассматривается в монографиях и тематических сборниках вроде (Moorman-Kimáková, 2016, Bitkeeva, Mikhal'chenko. 2014, Bochman, Nelde, Wölck, 2003) и многих других.

1.2. Существуют, однако, и другие понимания языкового конфликта. Так, и в вышеупомянутой статье (Nelde 2005: 1349) цитируется работа (Oksaar 1980), где указано на неоднозначность этого термина: «либо конфликт языков внутри одного индивидуума, либо <...> конфликт посредством языка (языков), включая процессы, внешние по отношению к индивидууму». Например, в сборнике (Evans, Jeffries, O'Driscoll, 2019) языковой конфликт понимается достаточно широко, что позволяет рассуждать о «тексте в конфликте», «взаимодействии в конфликте» и «лингвистике в конфликте»; в последнем случае речь идёт о лингвистических подходах к разрешению различных, не только языковых, конфликтов. Аналогично устроена коллективная монография (Reiher, 1995)². В различных аспектах взаимосвязь между языком и конфликтом рассматривается в книге (Janicki, 2015), содержащей в том числе разделы «Как мы можем неверно интерпретировать языковое поведение других людей», «Эвфемизмы, дисфемизмы и политическая корректность: как нас могут сбить с толку» и т.п. В этих работах наличие языкового контакта, то есть более чем одного языка, не является обязательным условием для возникновения кон-

¹ Ситуация в немецкой традиции принципиально иная. В немецком языке, как и в русском, есть термины «языковой конфликт» и «лингвистическая конфликтология»: «Sprachkonflikt» и, соответственно, «Konfliktlinguistik» или «Sprachkonfliktforschung» (см., например, (Bochman, Nelde, Wölck, 2003)).

² На немецком языке.

фликта, а источником и объектом конфликта является способ использования языка (например, hate speech) или же какая-либо конфликтная тематика, для обсуждения которой применяется язык.

1.3. Наконец, ещё один тип языковых конфликтов – это тот, где объектом конфликта являются структура и единицы языка; такой тип конфликтов может возникать как в много-, так и в одноязычных сообществах (см., например, (Knoblock, 2020)). Однако, как говорится в обзорной статье (Darquennes, 2015: 14) о современном состоянии исследований лингвистических конфликтов, «дискурс, подчеркивающий структурные свойства, по-видимому, преобладает в случае контакта между речевыми сообществами, использующими варианты языка, принадлежащие к одной диасистеме³». Такой тип конфликта рассматривается, например, в работе (Mattheier, 1984), одной из первых показавшей конфликт в моноязычных сообществах, или в разделе «Как возникают конфликты вокруг определения слов» вышеупомянутой книги (Janicki, 2015: 153–177). Впрочем, как справедливо отмечает J. Darquennes, «внимание, уделяемое этим типам языковых конфликтов, <...> невелико» (Darquennes, 2015: 16).

2. Постановка задачи

Как уже говорилось выше, на наш взгляд, не существует четкой границы между социолингвистическим и прагматическим направлениями исследования конфликтов при соблюдении двух условий⁴. Во-первых, если, говоря о социолингвистическом подходе, мы будем рассматривать не конфликт языков как некую абстракцию, а его реализацию в конфликтной коммуникации носителей этих языков. Во-вторых, если, говоря о прагматическом подходе, мы рассмотрим только те конфликтные ситуации, в которых эксплицитным источ-

ником оказывается язык в широком смысле слова, то есть не только язык в целом, но и его элементы: лексика, устойчивые выражения, конструкции и т.п. Собственно, конфликтная коммуникация, источником которой является противопоставление языков в многоязычном обществе, очевидным образом относится к предмету социолингвистической конфликтологии; мы же поэтому сосредоточимся на конфликтной коммуникации, связанной с обсуждением отдельных языковых единиц. Конфликтной мы будем считать такую коммуникацию, в которой присутствуют несовместимые мнения о языковых единицах и их противоположные оценки. В некоторых ситуациях, впрочем, одно из мнений / одна из оценок могут в явном виде отсутствовать, например, находиться за кадром конкретной дискуссии или быть представлены в виде языкового примера, критикуемого участниками дискуссии.

Материалом рассмотрения стала коммуникация в социальных сетях и в медийном пространстве (в последнем случае в рамках комментариев к новостным статьям).

Принципиальной характеристикой конфликтной коммуникации становится ее социолингвистический контекст, иначе говоря, в ситуации моноязычия (одноязычия) или полиязычия (многоязычия) она проходит. С учетом этой характеристики мы и построили композицию статьи. В третьем разделе мы рассмотрим конфликты в ситуации многоязычия, когда влияние одного языка вызывает конкуренцию единиц внутри другого и, соответственно, различную их оценку носителями. В пятом разделе речь пойдет о конфликтах в ситуации одноязычия, и в этом случае рефлексия говорящих просто направлена на оценку единиц внутри языка вне контекста каких-либо других языков. Как мы увидим, чаще всего объектом такой рефлексии становится лексика, хотя реже она может быть направлена и на орфографию, грамматику и т.п.

Однако есть и промежуточный тип, который будет рассмотрен нами в четвертом разделе. Имеется в виду конфликтная ком-

³ Термин У. Вайнрайха, обозначающий единый с системной точки зрения язык, представленный несколькими языковыми стандартами.

⁴ Отчасти это стало видно уже из цитаты из (Zvereva, 2012), приведенной выше.

муникация в одноязычной среде, связанная с внешнеполитическим фактором. Такой фактор представляет собой проекцию воздействия другого языка: иначе говоря, это воспринимается как влияние на язык со стороны, но без четкого понимания того, идет ли речь о влиянии языковом или политическом.

Мы также попытаемся показать, что в конфликтной коммуникации регулярного типа (то есть воспроизводимой и неслучайной), источником которой является язык, всегда присутствует социолингвистическая составляющая, что сближает, казалось бы, столь далекие направления исследования конфликтов.

3. Конкуренция единиц внутри одного языка в контексте другого

3.1. Начнём наше обсуждение с рассмотрения конфликтной коммуникации между носителями одного языка, возникающей в ситуации его сосуществования (постоянного контакта в рамках единого общества) с другим языком. Такая ситуация обычно характерна для несбалансированного билингвизма, когда один из языков занимает или занимал на протяжении длительного времени более низкую позицию в обществе и, соответственно, обслуживает меньше сфер. В качестве примера возьмём социолингвистическую ситуацию в Республике Беларусь.

3.2. До начала 1990-х в городах БССР доминировал русский язык. После распада Советского Союза белорусский язык стал единственным государственным языком республики, а с 1995 года официально установился государственный билингвизм. По результатам переписи населения 2009 года, белорусский язык был языком повседневного общения лишь для 11,3 % горожан (родным же его называли 44,1 %, что говорит о прежде всего идеологическом понимании этого термина). С такой несбалансированностью связан ряд особенностей белорусского языка, в том числе структурных.

Прежде всего следует отметить, что белорусский язык лишён нормального узуса. Малое количество его активных носителей, нередко встречающееся неприятие (или не-

понимание) его пассивными носителями и, как следствие, небольшое количество сфер, обслуживаемых этим языком, – все эти факторы приводят к тому, что закрепление лексики в языке не происходит естественным путём. Кроме того, полноценное овладение языком у значительной части, если не у большинства, его активных городских пользователей произошло уже только в сознательном возрасте после отказа от русского языка как основного или значительного снижения его доли (таких людей иногда называют «детьми асфальта» (Ramza, 2017)). Переход на белорусский язык в такой ситуации сопряжён с рядом психологических трудностей. Во-первых, это обычный языковой барьер. Во-вторых, выбор белорусского в качестве языка повседневного общения маркирован в глазах окружающих: говорящий по-белорусски привлекает внимание на улице и нередко вызывает комментарии в свой адрес – как позитивные (одобрение и восхищение), так и негативные (от обвинений в «позерстве» до прямых оскорблений). Наконец, в силу близкого родства языков у «неофитов» присутствует страх, что при недостаточном уровне владения белорусским их речь будет схожа с тряснякой – непрестижным смешанным русско-белорусским идиомом. Подсознательная необходимость доказывать самостоятельность белорусского языка часто приводит к чрезмерным охраняемым тенденциям у его носителей (в особенности у «детей асфальта») – высокому уровню пуризма и сознательной языковой дивергенции, включая, по существу, обращение к такому правилу: «чем меньше похоже на русский язык – тем это более по-белорусски» (см. подробнее (Woolhiser, 2013, Ramza, 2017)). Такой подход имеет под собой некоторые основания: действительно, в 1930-х годах путём реформ и переписывания словарей белорусский язык был в значительной степени приближен к русскому, и официальные тексты вплоть до настоящего времени достаточно русифицированы по сравнению с текстами начала XX века. Однако в Западной Беларуси, в то время входившей в состав Польши, и в среде эмиграции новые правила не были

приняты. В начале 1990-х велись дискуссии о возвращении к дореформенному варианту (он получил неформальное название *тарашкевица* от имени Бронислава Тарашкевича, автора первой белорусской грамматики). Официально это так и не произошло, однако тарашкевица вернулась в общественную жизнь. За шестьдесят лет, прошедших с реформы, различия между двумя вариантами языка усугубились, и сейчас некоторые лингвисты говорят о наличии у современного белорусского языка двух норм или двух стандартов: официального и классического (тарашкевицы), различающихся на всех языковых уровнях (подробнее см. (Клімай, 2004) и библиографию в (Ramza, 2018)); существует даже две белорусские Википедии. В реальности, однако, стандарты представляют собой континуум, и многие тексты совмещают в себе черты обоих.

Противопоставление белорусского и русского языков вместе с противопоставлением двух стандартов белорусского языка оказывается источником для разнообразных языковых конфликтов, которые удобно наблюдать в социальных медиа: как в обсуждениях в социальных сетях, так и в комментариях к новостям. Важно отметить, что языковые конфликты возникают не только в комментариях к статьям на социолингвистическую тематику, где они ожидаемы (ср. (Міацкойскаја, 2012; Liankievič, 2013)), но и к статьям любой направленности, написанным по-белорусски (если таковая размещена на двуязычном, причем преимущественно русскоязычном ресурсе): сам язык статьи выступает триггером конфликтной коммуникации. Большая часть примеров конфликтной коммуникации связана с недовольством просто из-за выбора белорусского языка – стандартный пример языкового конфликта. Менее стандартны конфликты, суть которых можно описать вопросом: «существует ли слово X в белорусском языке?» Такой вопрос едва ли возможен в ситуации одноязычия, хотя, вероятно, ближайшим аналогом в русскоязычной среде можно было бы считать обсуждение англицизмов и недовольство заимствованиями в целом.

3.3. Перейдём к рассмотрению конкретных примеров. Все примеры, если не оговорено иное, взяты из комментариев к немногочисленным белорусскоязычным новостям на одном из основных новостных порталов Беларуси, больше 90 % контента которого написано на русском языке. Следует отметить, что кроме споров, в которых участвуют несколько человек, частным случаем конфликтной коммуникации мы также будем считать и одиночные комментарии, выражающие недовольство белорусским языком в целом или же выбором автором статьи конкретных лексем и словоформ.

Первый тип источника языкового возмущения – это реальные или мнимые русизмы, используемые, по мнению комментирующих, вместо настоящих белорусских слов:

- (1) Слова “веласіпед”, “пасольства” русскія словы, навошта такая вучоба, потым будуць казаць, што беларуская мова не адрозніваецца ад расейскай
 ‘Слова “веласіпед”, “пасольства” русские слова, зачем такая учёба, потом будут говорить, что белорусский язык не отличается от русского’

Здесь в качестве замены подразумеваются полонизмы *ровар* и *амбасада*, которые, в свою очередь, вызывают недовольство уже у других белорусов. За этим примером стоит совершенно определенный взгляд на белорусский язык, часто характерный для неофитов, лишь недавно сделавших выбор в его пользу: сложная ситуация с противопоставлением исконно белорусских слов, русизмов, полонизмов и неологизмов упрощённо представляется в виде дихотомии «русизм vs. правильное белорусское слово».

3.4. Второй тип негативных комментариев – это реакция на незнакомые слова. Сталкиваясь с такими случаями, комментаторы объясняют их либо неграмотностью или словотворчеством журналиста, либо сознательным ухудшением

языка профессиональными лингвистами. Хотя такие комментарии являются проявлением распространённого стереотипа об «искусственности» белорусского языка (Liankievič, 2013), а также частным случаем мифа о вредительской деятельности профессиональных лингвистов (Drugoveiko-Dolzhanskaia, 2019; Pakhomov, 2019), тем не менее глубинная причина их появления также лежит в многоязычии: во-первых, комментатор считает, что неизвестное слово было употреблено специально ради того, чтобы сделать белорусский язык менее похожим на русский; во-вторых, возможность подобного восприятия конкретных лексем связана с отсутствием нормального белорусского узуса, также вызванного доминированием русского языка.

Рассмотрим несколько примеров:

(2) *Слышь, дурницы кусок, а хто такая раварысты? Те кто на «Роверах» ездють???? На нормальном белорусском языке «веласіпед». А как новомодное сленговое слово молодые хомячки придумали «рoвар», абы не так, как по-русски))))*

С содержательной точки зрения этот пример прямо противоположен примеру (1), что хорошо иллюстрирует неизбежность конфликтной коммуникации в текущей социолингвистической ситуации в Беларуси. Если же посмотреть на этот пример с точки зрения нормы, то слово *рoвар* есть уже в пятитомном толковом словаре под ред. К. Крапивы 1977–1984 гг., где толкуется как ‘веласіпед’ и имеет помету *обл.* (Atrachovič, 1977–1984), и в Литературном толковом словаре – со значением «тое што і веласіпед» ‘то же, что и велосипед’ без помет (Litaraturny, 2010), а также как минимум в одном переводном словаре – в 4-м издании 2012 г. академического трёхтомного белорусско-русского словаря (возможно, слово появилось раньше – в 3-м издании 2003 г.), где есть и слово *раварыст* (Lukašaniec, 2012).

Следующий пример аналогичен предыдущему:

(3) *Что за слово – «адлічбавалі». Это как? Меня оно так озадачило, что дальше читать не смог. Неужели – оцифровали? Совсем не звучит.*

Встретив неизвестное слово, комментатор выражает своё возмущение им (следует отметить, что в «Словаре новых слов белорусского языка» 2009 г. издания присутствует слово *лічбавы* ‘цифровой’ (Ulasievič, Daŭhulievič, 2009: 205), однако однокоренных ему нет – впрочем, само слово *лічбавы* есть и в словарях середины XX века (Kolas, Krapiva, Glebka, 1953: 753) (в 1937 г. – в варианте *лічбóвы* (Alieksandrovič, 1937: 476)); глагол же *лічбаваць* ‘цифровать’ есть уже как минимум в словаре 1953 г.). Конкретно этот случай также отражает любопытный пример двоемыслия, отмеченный в статье (Liankievič, 2013: 151–152), посвящённой отношению к белорусскому языку и языковым стереотипам в белорусском обществе: «с одной стороны, белорусский язык называют несовременным, а с другой, высказываются против освоения им новых слов, связанных, например, с компьютеризацией и информатизацией». Появление указанных стереотипов связано в том числе с трудностями при освоении белорусским языком новых сфер: если в русском языке специальная терминология сначала появляется в профессиональной среде, а затем, в случае выхода технологии в широкие массы, вместе с ней приходят и уже прижившиеся термины, то люди, желающие употребить тот или иной термин по-белорусски, обычно сталкиваются с уже готовым русским термином, и перед ними встаёт вопрос: заимствовать ли английский вариант, заимствовать/калькировать русский (и если да, то как его морфологически оформить) или же создать неологизм – что нередко приводит к конфликтной коммуникации. Так, например, в группе в Фейсбуке⁵ «Толькі пра мову» (‘Только о языке’) 09.08.2019 г. в ответ на вопрос «Як правільна сказаць “оцифровка” (плёнкі)?» разными пользователями были предложены вариан-

⁵ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией в России.

ты лічбаванне, дыгіталізацыя, аблічбоўванне, залічбоўванне, залічбоўка, злічбоўка і алічбоўка; аналог такого обсуждения практически невозможно представить для русского языка.

3.5. К третьему типу конфликтной коммуникации можно отнести те обсуждения, где триггером являются не лексемы, а их грамматическое оформление. Как уже говорилось выше, противопоставление официального и классического стандартов представляет собой континуум, и многие тексты совмещают черты обоих вариантов. Такой плюрализм и возможность присутствия элементов обеих норм в одном тексте может приводить к лингвистическим конфликтам в комментариях и за их пределами.

Рассмотрим пример. В белорусском языке шире, чем в русском, употребляется окончание родительного падежа множественного числа существительных *-оў/-аў/-ёў/-еў* (русс. ‘-ов/-ев’), ср. *бомбаў* ‘бомб’, *мораў* ‘морей’ и т.п. При этом классический стандарт значительно расширяет сочетаемость этого окончания, и многими сторонниками тарашкевицы это оценивается как единственно верная белорусская форма, а окончание *-эй/-ей* или нулевое – как русизм: *абласцей / вобласцяў* ‘областей’, *станцый / станцыяў* ‘станций’, хотя варианты возможны даже внутри официального стандарта (см. рис. 1):

Рис. 1. Словарь трудностей белорусского языка; на двух словарях разные окончания у слова *трудностей*

Fig. 1. Dictionary of difficulties of the Belarusian language; the two dictionaries have different endings for the word *difficulties*

Такой взгляд приводит, например, к тому, что, по мнению некоторых комментаторов, выбор организаторами Минского фестиваля языков в качестве перевода слова *языков* варианта *моў* (а не *моваў*) говорит об их языковой некомпетентности и, как следствие, о низком качестве самого мероприятия, хотя этот вариант соответствует официальной норме:

(4) *Моў ці моваў?*
Я ў разгубе!)))

<...>

Не ў тарашкевіцы справа, а ў лінгвістычнай логіцы. Таму, нажаль, не далучыся да прыхільнікаў праекту, бо ад пачатку не адчуваю кампетэнтнасці.

‘*Моў* или *моваў?*
Я в растерянности!)))

<...>

Не в тарашкевице дело, а в лингвистической логике. Поэтому, к сожалению, не присоединюсь к сторонникам проекта, так как изначально не чувствую компетентности.’

В принципе, связь профессиональной компетентности и языковых ошибок часто обсуждается в интернете – особенно в связи с позицией граммар-наци. Далее в пятом разделе будет рассмотрен сходный случай уже в контексте русского языка.

Зеркально обратная ситуация демонстрируется в следующем примере, взятом из комментариев к новостной статье, где автор возмущается уже наличием флексии *-аў*:

(5) «*Праграмы Клуба*
адапаваныя да патрэбаў».

а чаму не «да патрэб»?

‘*Программы Клуба адоптированы*
да патрэбаў (‘к потребностям’)».

а почему не «да патрэб»?’

3.6. Подведём промежуточные итоги. Современная социолингвистическая ситуация в Беларуси в совокупности с рядом

структурных особенностей белорусского языка, связанных в том числе с постоянным контактом с русским языком, влекут за собой широкий спектр представлений о том, как должен быть устроен или даже как на самом деле – с точки зрения комментаторов – устроен белорусский язык. Для части носителей неприемлемы слова или грамматические элементы, совпадающие с русскими, однако предлагаемые ими замены (неологизмы, включая кальки, полонизмы, архаизмы) не принимает другая часть носителей, которая, в свою очередь, рассматривает их как языковые эксперименты лингвистов и журналистов или банальную неграмотность пишущих. Наличие противоположных и непримиримых мнений относительно языковых единиц приводит к языковому конфликту и, соответственно, конфликтной коммуникации (более подробный разбор ситуации представлен в (Somin, 2015)).

4. Оценка единиц внутри одного языка: политический фактор

4.1. В этом разделе речь пойдет о языковых изменениях, ставших следствием распада СССР и изменения статуса русского языка в странах постсоветского пространства. Мы рассмотрим конфликтную коммуникацию в одноязычной среде, связанную с внешнеполитическим фактором, который можно рассматривать как слабый отклик двуязычия. Выводы в этом разделе основываются на многолетнем мониторинге конфликтов в социальных сетях и – шире – в сетевой коммуникации (с 2010 по 2020 гг.).

Влияние одного языка на другой (в нашем примере на русский) первоначально фиксируется в двуязычной среде. Там же может возникнуть, хотя и необязательно, дискуссия об изменении слова (названия), которая затем переносится в русскоязычную среду России, которую мы называем одноязычной, поскольку другие языки России к этому языковому конфликту отношения не имеют. Впрочем, конфликтная коммуникация может начаться в России и совершенно независимо. Такие конфлик-

ты затрагивают на постсоветском пространстве, как правило, названия стран и городов, прежде всего столиц. Их можно считать точечными, поскольку речь идет об одном или нескольких словах.

Снова обратимся к контактам русского и белорусского языков и к двум названиям страны: *Белоруссия* и *Беларусь*. До распада Советского Союза эти названия были разнесены по разным языкам: по-русски – *Белоруссия*, по-белорусски – *Беларусь*. После обретения государственности в Республике Беларусь было принято решение об использовании топонима *Беларусь* и в русском языке. Со временем узус закрепился, и в сегодняшней Беларуси конфликта, касающегося названия страны, нет, как нет и вариативности: используется практически исключительно вариант *Беларусь*, который ощущается людьми младше сорока как единственно возможный.

Однако в российской речевой среде этот конфликт существует, причем нередки случаи, когда его инициирует белорус, обнаруживший в тексте какой-либо новостной статьи название *Белоруссия* и исправляющий автора. Для многих белорусов вариант *Белоруссия* звучит оскорбительно: это воспринимается как сознательное пренебрежение или даже посягательство на независимость страны. Это ощущение может быть проиллюстрировано следующим диалогом двух белорусов в комментариях к новостной статье:

(6) – *А что такое Белоруссия?*
– *Вроде рядом с Россией находится.*

Для россиян же этот топоним либо не маркирован и употребляется просто в силу привычки, либо выбирается сознательно, так как, по их мнению, вариант *Беларусь* не соответствует правилам русской орфографии (подробный разбор проблемы *Беларусь vs. Белоруссия* с описанием сценариев типичной конфликтной коммуникации см. в (Somin, Polii, 2016)). Именно поэтому конфликт может разгореться и в комментариях к статье со словом *Беларусь*, которое

оценивается участниками как неправильное с орфографической и/или с идеологической точки зрения.

Эта конфликтная ситуация представляет особый интерес благодаря нескольким факторам.

Во-первых, русский язык является государственным и в России, и в Беларуси (в последней наряду с белорусским). Таким образом, можно говорить о равных правах на русский язык у этих государств.

Во-вторых, в России эта конфликтная ситуация по-разному ощущается разными людьми. Поскольку мы говорим об оценке лексем *Белоруссия* и *Беларусь*, то следует сказать об их разном восприятии. Как уже сказано выше, кто-то считает, что *Белоруссия* – привычное и правильное название страны-соседа, а *Беларусь* – непонятное, чужое и потому неправильное. Кто-то видит за этими словами определенный политический выбор и, выбирая слово, фактически занимает определенную политическую позицию по отношению к Республике Беларусь. Наконец, кто-то видит здесь не противопоставление политических позиций, а столкновение языковых ценностей и политкорректности, и совершает не политический, а, скорее, культурный выбор.

По выбору того или иного слова (особенно при выборе названия *Белоруссия*) мы, как правило, не можем понять причины этого выбора.

4.2. Аналогичные конфликты в русскоязычной среде России связаны с обсуждением и других постсоветских топонимов: *Таллин* и *Таллинн*, *Ашхабад* и *Ашгабад*, *Алма-Ата* и *Алматы*, *Молдавия* и *Молдова*, *Туркмения* и *Туркменистан*, *Киргизия* и *Кыргызстан* (см. об этом в (Krongauz, 2017: 445–451)). Каждый из них заслуживает отдельного обсуждения, но общим можно считать отмеченные выше факторы. Интересно, что принятие новых названий таких стран, как Беларусь, Молдова и Кыргызстан, приводит к определенному речевому парадоксу, ведь связанные с ними названия соответствующих языка и народа остаются прежними – по крайней мере, в России введение новых названий практически

не обсуждается. Таким образом, в *Беларуси* живут *белорусы* и говорят на *белорусском* языке и т.д. (однако о конкуренции вариантов *белорусский*, *беларусский* и *беларуский* в русском языке Беларуси см. (Goritskaia, 2014)).

Последующие события привели к еще более интересным лингвистическим последствиям. Во время массовых протестов против фальсификаций на выборах президента в Беларуси россияне стали активно использовать в социальных сетях слова *Беларусь*, *беларусы* и *беларусский* в знак поддержки протестующих. Преобладание этих вариантов нельзя было не заметить. Так, например, 12 августа 2020 года в Фейсбуке журналистка Ксения Туркова опубликовала пост:

(7) *Заметила, что слово «белорус(ы)» именно в последние дни все чаще пишут по-русски через а: «беларус(ы)». Попадает буквально в каждом втором посте. Просто наблюдение.*

В комментариях к посту поэт Лев Рубинштейн предложил интересный термин для этого явления:

(8) *Правильное наблюдение. Эта орфографическая деталь, как я думаю, есть знак сочувствия и солидарности. Это примерно то же, что и «В» «Украине». Давайте назовем это «эмпатической орфографией».*

Следует отметить, что во всех этих случаях речь идет не о переименовании, а о некоторой корректировке привычного топонима. В случае же переименования, например, города Фрунзе в Бишкек, конфликтная коммуникация либо не возникает, либо имеет другой характер.

К этим конфликтам примыкает и, пожалуй, наиболее ожесточенная дискуссия по поводу выбора предлогов места и направления с названием украинского государства. С одной стороны, более привычное *на Украине*, *на Украину*, *с Украины*, а с дру-

гой стороны, окончательно принятое в русском языке Украины: *в Украине, в Украину, из Украины*. Этот конфликт, безусловно, заслуживает отдельного и подробного исследования.

Языковые конфликты с политическим подтекстом стали определенным культурным явлением, источником для шуток и языковой игры. По крайней мере, два из них получили устойчивое, хотя и неполиткорректное и грубое название: *бульбосрач*⁶ для Беларуси, *хохлосрач* для Украины.

5. Оценка единиц внутри одного языка: типология конфликтов

5.1. В предыдущем разделе мы рассмотрели переходный случай, то есть конфликт в монологичной среде из-за языковой вариативности в многоязычной среде. Теперь мы перейдем к рассмотрению исключительно монологичных конфликтов, направленных на оценку единиц внутри языка. Речь пойдет о русском языке в русскоязычной среде России.

Мы предлагаем типологию конфликтов в социальных сетях и не ставим задачу исчисления всех существующих типов с опорой на уровни языка. Мы исходим из реальности и частотности возникновения конфликтов, связанных с оценкой отдельных языковых единиц, прежде всего словоформ и лексем. Скажем, орфографические конфликты для социальных сетей регулярны, а орфоэпические нет, что связано с тем, что в процессе письменного общения возникают именно орфографические, но не орфоэпические конфликты. Можно, конечно, отдельно поставить теоретический вопрос и спровоцировать полемику, но с орфоэпией фактически так не происходит. Однако такая возможность сохраняется для более идеологизированных языковых тем, например, для названий государств или политкорректных замен.

Основываясь на мониторинге социальных сетей, мы можем выделить пять самых частотных типов конфликтной коммуникации, источником которой служат языковые единицы: орфографические, этикетные,

стилистические, политкорректные и политические конфликты. Последние, связанные с названиями государств и столиц, мы обсудили в предыдущем разделе, сейчас же кратко опишем четыре оставшихся типа.

5.2. Орфографические конфликты – самые поверхностные, их краткое содержание и основную цель можно выразить лозунгом «пиши правильно». С этим типом конфликтов связано понятие *граммар-наци*: примерно с середины 2000-х таким словом называли воинствующих языковых пуританов, которые вмешивались в чужую коммуникацию, но вместо обсуждения содержания высказываний агрессивно упрекали участников за ошибки в их письменной речи – в первую очередь орфографические и пунктуационные. Изначально слово *граммар-наци* было оскорбительным названием извне, но постепенно стало употребляться как самоназвание со стертой негативной оценкой, подробнее см. в (Krongauz, 2013: 99–105) и (Krongauz et al., 2016: 248–250), ср. пример из поста в социальной сети:

(9) <...> По образованию <я> учитель, по работе редактор с многолетним стажем, так что мой внутренний *граммар-наци* бдит.

По своей сути орфографические конфликты направлены или на разрушение коммуникации (инициатору конфликта важна форма, а не содержание), или на дискредитацию оппонента (инициатор конфликта считает, что если человек пишет с ошибками, то он не может быть прав и содержательно): издеваться над безграмотностью проще и легче, чем спорить по существу.

Чаще всего конфликт развивается в связи с конкретной ошибкой, но если ее сделал известный человек, может возникнуть и более общая дискуссия, а именно – имеет ли право считаться достойным профессионалом человек, допускающий орфографические ошибки. Так, например, в Фейсбуке в одном из комментариев к чужому посту сделал ошибку в написании глагола *-ться/-тся* руководитель департа-

⁶ От бел. *бульба* ‘картофель’.

мента культуры Москвы с 2011 по 2015 год Сергей Капков, после чего другие комментаторы немедленно потребовали от него уйти в отставку именно на этом основании.

Во второй половине 2010-х гг. после окончания эпохи «падонкафф» орфографических конфликтов становится меньше. В результате деятельности падонкафф отношение к грамотности изменилось, ее престиж значительно упал, а граммар-наци воспринимаются как тролли, разрушители коммуникации, и либо на их замечания не реагируют, либо они сами изгоняются из коммуникации. Вокруг граммар-наци формируется постфольклорное пространство, в котором они играют роль комических персонажей, ср. анекдот:

(10) *В одном королевстве завёлся граммар-наци. Всех поправлял, по поводу и без. Надоел всем – хуже некуда. И вот схватили его и привели на суд к королю. Король был мудрый, поэтому спросил:*

– *Что же мне с тобой делать? Помиловать или кОзнить?*
 – *Казнить!* – *привычно поправил граммар-наци.*

Вместе с тем окончательно орфографические (и шире – грамматические) конфликты не исчезли. Граммар-наци и сейчас атакуют безграмотность, что находит отражение в визуальном фольклоре или в мета-ироничных комментариях:

ТОТ САМЫЙ КОТЁЛ В АДУ

болие-лимение похоже

Рис. 2
Fig. 2

5.3. Этикетные конфликты, как следует из названия, посвящены речевому этикету и, соответственно, касаются не только собственно языковых единиц, но и прагматики и общения в целом. Их лозунг можно сформулировать так: «Будь вежлив». Должно ли писаться с большой буквы вежливое местоимение *Вы*, приемлемо ли обращение по полному имени без отчества, можно ли здороваться фразой *Доброго времени суток*, вежливо ли сегодня звонить по телефону без предупреждения – вот лишь некоторые из частых тем этикетных конфликтов.

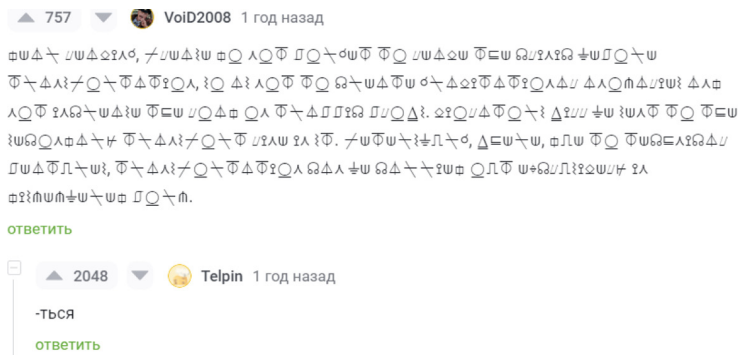

Рис. 3
Fig. 3

Характерная особенность развития этих конфликтов – появление в дискуссии человека, который заявляет, что знает, как надо говорить и писать в обсуждаемых ситуациях, хотя в действительности все подобные этикетные проблемы относятся к области вариативности и не имеют однозначного и устоявшегося решения.

5.4. Политкорректные конфликты (под лозунгом «Не смей обижать») возникают в результате так называемой новой правки русского языка. Среди основных направлений политкорректности, влияющих в последнее время на русский язык, можно выделить гендерную правку (появление феминитивов, искоренение гендерных стереотипов и т.п.), сексуальную правку (появление новых слов для обозначения различных сексуальных ориентаций и новых гендеров), национальную и расовую правку (изменение отношения к традиционным наименованиям рас и национальностей и выработка новых терминов), инвалидную правку (поиск новых слов для разговора о людях с нарушениями физических и ментальных функций) и ряд других направлений – борьба с эйджизмом (поиск новых слов для обозначения людей разного возраста), фэтшейминг и противостоящий ему бодипозитив (дискурс о людях с избыточным весом) и т.п.

Отдельного упоминания заслуживает феминистская правка языка, а именно феминитивы – пожалуй, наиболее агрессивно обсуждаемое явление в русском языке за последние несколько лет. В русском языке исторически сложилось так, что названия большинства профессий и характеристик человека по роду деятельности являются словами мужского рода, которые используются в том числе и для обозначения женщин. Основная идея сторонников феминитивов, ориентирующихся на схожие процессы в немецком, польском и ряде других языков, заключается в том, что эту практику следует изменить, создав для каждого такого слова пару женского рода с использованием одного из ряда суффиксов (*автор – авторка, редактор – редакторка* и т.п.), а в текстах, где речь идёт о людях

вообще или лицах разного пола, следует использовать вместе название мужского рода и феминитив или же феминитив с гендер-гэпом, ср. цитату из одного из студенческих журналов:

(11) Любой_ая автор_ка
может предложить текст для
публикации.

Однако для многих носителей языка сконструированные слова и синтаксические конструкции звучат и выглядят неестественно и вызывают отторжение (в том числе и у тех, кто разделяет идеи феминизма), что приводит к многочисленным конфликтам (подробнее см., например, монографию (Fufaeva 2020)).

Таким образом, в отличие, например, от польского и украинского языков тема феминитивов в русском языке остается источником конфликтной коммуникации.

5.5. Наконец, стилистические конфликты вызываются ненавистью к отдельным словам и выражениям («ненавижу это слово»). Инициатор конфликта либо высказывает в комментариях к посту своё возмущение тем или иным словом, употреблённым автором этого поста, либо сам публикует пост о нетерпимости к слову или ряду слов. Часто после этого в комментарии приходят и другие люди, которые соглашаются с инициатором конфликта и добавляют свои примеры ненавистных слов.

Выделяются как отдельные слова, являющиеся триггерами раздражения (например, *кушать, улыгнуло, супруг*), так и целые классы: определенные слова с уменьшительными суффиксами (*мяско, мороженка, вкусняшки, любимка, девчули*), лексика так называемого мамского языка – дискурса молодых мам (*беременюшка, пузожитель, покакуши*; наиболее активно ненависть к таким словам обсуждалась в середине 2010-х), слова молодёжного сленга, часто заимствованные (*хайп, бро, ор, дичь, изи*), элементы просторечия (*ложить, днюха, тута*) и другие лексические группы. Также конфликтную коммуникацию часто провоцируют единицы этикета. Чаще всего это

касается молодежного жаргона (*сорян, дра-тути, спс, спасибо*), заимствований или калек (*хай* или *хорошего дня*). Можно также отметить традиционно конфликтогенные формулы *доброе время суток* и *я вас услышал*, ставшие употребительными соответственно в 1990-е и 2000-е годы. Обсуждение таких единиц попадает также в зону этикетных конфликтов.

Приведём несколько примеров из дискуссий в Фейсбуке: в примере (12) автор иронизирует по поводу злоупотребления уменьшительными суффиксами, пример (13) показывает, как в комментариях немедленно появляются другие раздражающие слова, а в примере (14) демонстрируется начало конфликта в комментариях.

(12) *Новости из жизни вежливых официантов. Сначала он спросил меня: с хлебушком дружим? А потом, когда кофе подавал, уточнил, дружим ли с сахарком. Мы дружим с молочком, но он почему-то не спросил.*

(13) *Пожалуйста, дорогие друзья, успокойте меня и скажите, что это не только меня выводит из себя употребление слова «вкусный» не к месту – «как вкусно написано, как вы вкусно рассказываете, какая вкусная книга» и так далее...*

Комментарии:

- *Вкусно, крайний в контексте последний, по жизни, от слова совсем – готова расстрельные приговоры за это подписывать.*

- *А еще, вкусняшки, сторис, поженить (при приготовлении пищи). Это так глупо.*

- *Есть слова намного хуже. Например, «волнительно».*

(14) – *При крайнем визите Мутко в Самару, договорились о встрече с общественностью в Москве. <...>*

– *Вот какой дебил ввёл моду заменять «последний» на «крайний»?*

Аркадий, ты космонавт? Или может лётчик-испытатель?

Последний комментарий основан на распространенном мнении, что использование слова *крайний* вместо слова *последний* возникло как суеверие в дискурсе представителей профессий, связанных с риском для жизни, поскольку выражения *последний полет* или *последнее испытание* могут содержать смысл ‘последний в жизни’.

Анализ лексических групп, вызывающих недовольство и даже ненависть, показывает, что, как правило, за ними скрываются более или менее определенные социальные или культурные группы людей, которые эти слова употребляют. Иначе говоря, ненависть к слову – это ненависть к стоящему за ним социальному типу: молодежи (молодежный сленг), малообразованным людям (просторечие), простому народу (уменьшительные суффиксы), молодым мамам («мамский» язык) и т.д. В стилистических конфликтах ярко проявляется столкновение представителей «высокой» культуры, недовольных чужой речью, то есть выступающих инициаторами конфликта, и носителей народной или какой-либо маргинальной культуры. Важно также подчеркнуть и то, что речевой характеристикой человека оказывается не только то, какие слова он употребляет, но и какие слова он ненавидит.

Таким образом, отношение к слову является лишь проекцией социальных и культурных отношений.

6. Заключение

В настоящей статье мы показали, что предметом интереса социолингвистического направления лингвистической конфликтологии может быть не только язык в целом, отношение к языку и языковые конфликты, возникающие в многоязычных обществах при языковых контактах, но и отдельные элементы языка – в первую очередь лексика – и их обсуждение как в много-, так и в моноязычных обществах. Таким образом, мы доказали отсутствие строгой границы между прагматическим

и социолингвистическим направлениями лингвистической конфликтологии и продемонстрировали релевантность прагматических характеристик для социолингвистических исследований. Вообще, именно эти параметры – язык и языковые единицы, многоязычие и одноязычие – позволяют задать пространство конфликтной коммуникации, связанной с языком. Несколько огрубляя картину, мы связали многоязычие в первую очередь с конкуренцией, а одноязычие – с оценкой как языка, так и языковых единиц, хотя, конечно же, одно не исключает другого. Так, если в многоязычном обществе речь идет прежде всего о выборе (конкуренции) языков или их элементов, возможно, на фоне их оценки, то в моноязычном речь идет об оценке языка и его единиц («великий и могучий», «порча языка», «деградация» и т.п.).

Исходя из проведенного в работе анализа мы можем представить соответствующие направления исследований в виде таблицы, показывающей, что различные подходы могут рассматриваться в рамках

единого направления лингвистической конфликтологии (табл. 1).

Ещё раз подчеркнем, что отдельные элементы языка, его единицы, могут становиться источником конфликта как в ситуации языкового контакта, так и в моноязычных обществах. Из рассмотренных в статье примеров видно, что несмотря на принципиальное различие языковых ситуаций в моно- и многоязычных обществах, механизмы возникновения конфликтной коммуникации, связанной с отдельными языковыми единицами, сходны. При этом за отрицательной оценкой нового или старого слова стоит, как правило, идеология или социальная идентичность и, соответственно, неприятие иной идеологии или иного социального слоя: через неприятие «чужого» слова происходит утверждение своей собственной идеологии и социальной идентичности. Правда, не следует забывать и о том, что часть носителей языка ориентируется не на идеологию, а на языковую привычку. Эти люди оказываются вовлеченными в конфликт против своей воли, а нередко вообще не осознают конфликтности ситуации.

Список литературы / References

- Aleksandrovič A. (ed.). *Ruska-bielaruski slovník [Russian-Belarusian Dictionary]*. Miensk, Vydavievtva Akademii navuk BSSR, 1937.
- Atrachovič K. K. (Kandrat Krapiva) (ed.). *Tlumačalny slovník bielaruskaj movy: u 5 t. [Explanatory dictionary of the Belarusian language: in 5 volumes]*. Minsk, BielSE, 1977–1984.
- Bitkeeva A. N., Mikhal'chenko V. Iu. (eds.). *Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaia konferentsiia (Moskva, 16–19 sentiabria 2014): Doklady i soobshcheniia [Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014): Reports and communications]*. Moscow, Institut iazykoznanii RAN, 2014. 637.
- Bochman K., Nelde P. H., Wölck W. (eds.). *Methodology of conflict linguistics = Methodologie der Konfliktlinguistik = Méthodologie de la linguistique de conflit*. St. Augustin, Asgard, 2003.
- Darquennes J. Language conflict research: A state of the art. In: *International journal of the sociology of language*. 2015, 2015(235), 7–32. DOI 10.1515/ijsl-2015–0012.
- Drugoveiko-Dolzanskaia S. V. *Zachem lingvisty portiat nash iazyk?! (Lektsiia v Lektorii AV SPbGU, 17 dekabria 2019 g.) [Why do linguists spoil our language?! (Lecture in Lecture Hall A at St. Petersburg State University, December 17, 2019)]*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=m5uYh7blaoc> (accessed 29 August 2024).
- Dymarskii M. Ia. (ed.). *Rechevaia konfliktologija: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Speech conflictology: a textbook for students of higher educational institutions]*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. 215.
- Dymarskii M. Ia. Gde nakhoditsia porog iazykovogo konflikta? [Where is the threshold for language conflict?]. In: Il'enko S. G. (ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii [Aspects of speech conflictology]*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 1996, 25–34.

Ermakova O.P., Zemskaia E. A. K postroeniiu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Towards the construction of a typology of communicative failures (based on the material of natural Russian dialogue)]. In: Zemskaia E. A., Shmelev D. N. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [The Russian language in its functioning: A Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka, 1993, 30–64.

Evans M., Jeffries L., O’Driscoll J. (eds.). *The Routledge handbook of language in conflict*. Abingdon, New York, Routledge, 2019. 612.

Fufaeva I. V. *Kak nazyvaiutsia zhenshchiny. Feminitivy: istoriia, ustroistvo, konkurentsia* [What are the names of women? Feminitives: history, device, competition]. Moscow, Corpus, 2020. 304.

Golev N. D. (ed.). *Iurisljngvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal Linguistics-2: the Russian language in its natural and legal existence: an interuniversity collection of scientific papers]. Barnaul, Izdatel’stvo AGU, 2000. 271.

Golev N. D. Iuridizatsiia estestvennogo iazyka kak lingvisticheskaia problema. In: Golev N. D. (ed.) *Iurisljngvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal Linguistics-2: the Russian language in its natural and legal existence: an interuniversity collection of scientific papers]. Barnaul, Izdatel’stvo AGU, 2000, 8–41.

Golev N. D. Iuridizatsiia iazykovykh konfliktov kak osnovanie ikh tipologii [Legalization of Language Conflicts as the Basis for Their Typology]. In: *Iurisljngvistika-9: Istina v iazyke i prave* [Legal Linguistics-9: Truth in language and law]. Kemerovo, Barnaul, Izdatel’stvo AGU, 2008, 137–157.

Golev N. D., Chernyshova T. V. (eds.). *Iurisljngvistika-10: Lingvokonfliktologija i iurisprudentsiia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Legal linguistics-10: Linguoconflictology and jurisprudence: interuniversity collection of scientific papers]. Kemerovo, Barnaul, Izdatel’stvo AGU, 2010. 509.

Golev N. D., Matveeva O. N. Lingvisticheskaia ekspertiza: na styke iazyka i prava [Linguistic Expertise: At the Intersection of Language and Law]. In: *Iurisljngvistika-7: Iazyk kak fenomen pravovoi kommunikatsii* [Legal Linguistics-7: Language as a Phenomenon of Legal Communication]. Barnaul, Izdatel’stvo AGU, 2006, 168–185.

Goritskaia O. S. Konkurentsia graficheskikh variantov v Internete (na primere napisanii belorusskii, belaruskii, belaruskii) [Competition of graphic variants on the Internet (based on the examples of the spellings Belorusskii, Belaruskii, Belaruskii)]. In: *Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiya* [Bulletin of MGLU. Series 1, Philology], 2014, 5(72), 106–114.

Il’enko S. G. (ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii* [Aspects of speech conflictology]. Saint Petersburg, Izdatel’stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 1996. 103.

Il’enko S. G. K poiskam orientirov rechevoi konfliktologii [Towards the search for landmarks of speech conflictology]. In: Il’enko S. G. (ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii* [Aspects of speech conflictology]. Saint Petersburg, Izdatel’stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 1996, 3–12.

Janicki K. *Language and conflict: selected issues*. London, Red Globe Press, 2015. 244 p.

Kara-Murza E. S. Lingvokonfliktologija i konflikty v russkom mediaprostranstve (analiz dvojnogo keisa) [Linguistic Conflict and Conflicts in the Russian Media space (double case analysis)]. In: *Vestnik VolGU. Seriya 2, Iazykoznanie* [Bulletin of the VolGU. Series 2, Linguistics], 2020, 19(1), 18–27. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.1.2

Kara-Murza E. S. Lingvokonfliktologija kak napravlenie v dukhe ekologii iazyka [Linguoconflictology as a direction in the spirit of language ecology]. In: *Ekologija iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2014, 2, 55–68.

Kinderknekht A. S. Konflikt v issledovaniiakh po lingvistike [Conflict in linguistics research]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2023, 12(1), 45–68. DOI 10.24224/2227–1295–2023–121–45–68.

Klimaŭ I. P. Linhvistyčnaja apazyčyja dvuch standartau belaruskaj litaraturnaj movy [Linguistic opposition of two standards of the Belarusian literary language]. In: *Rodnaje slova* [Native word], 2004, 7, 14–18.

Knoblock N. (ed.). *Language of conflict. Discourses of the Ukrainian crisis*. Bloomsbury Academic, 2020.

Kolas Ja., Krapiva K., Glebka P. (eds.). *Russko-belorusskoi slovar’* [Russian-Belarusian Dictionary]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo inostrannykh i natsional’nykh slovarei, 1953.

Krongauz M. A. (ed.), Litvin E. A., Merzliakova V. N., Piperski A. Ch., Somin A. A., Chernenko Iu. A. *Slovar' iazyka Interneta.RU [Dictionary of the Internet language.RU]*. Moscow, AST-Press, 2016. 288.

Krongauz M. A. *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva. Izd. 4-e [The Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown. 4th edition]*. Moscow, Corpus, 2017. 512.

Krongauz M. A. *Samouchitel' olbanskogo [Albanian Tutorial]*. Moscow, Corpus, 2013. 416.

Liankievič A. U. Staŭliennie da bielaruskaj movy ŭ internet-kamunikacyi (na materyjalie dyskurs-analizu kamientaryjaŭ na internet-forumach) [Attitude to the Belarusian language in Internet communication (based on the material of the discourse analysis of comments on Internet forums)]. In: *Acta Albaruthenica*, 2013, 13, 145–159.

Litaraturny tłumačalny sloŭnik [Literary Explanatory Dictionary], 2010. Available at: <http://rv-blr.com/dictionary/explanatory> (accessed 29 August 2024).

Lukašanec A. (ed.). *Bielaruska-ruski sloŭnik. U 3 t. 4-e vyd., pieraprac. i dap. [Belarusian-Russian dictionary. In 3 vols. 4th ed., revised and supplemented]*. Minsk, Bielaruskaja encykłapiedyja imia Pietrusia Broŭki, 2012.

Mattheier K. J. Language conflicts in monolingual local communities [Sprachkonflikte in ein-sprachigen Ortsgemeinschaften]. In: Oksaar E. (ed.). *Language acquisition–Language contact–Language conflict [Spracherwerb–Sprachkontakt–Sprachkonflikt]*. Berlin, De Gruyter, 1984, 197–204. DOI 10.1515/9783110859751.197

Miačkoŭskaja N. B. Narodnaja linhvistyka ŭ bielaruskim internecie: mietamoŭnaja refleksija i moŭ-naje samavyznačennie [Folk linguistics on the Belarusian Internet: Meta-linguistic reflection and linguistic self-determination]. In: Zaprudski S. M., Cychun H. A. (eds.). *Novaje slova ŭ movaznaŭstvie: materyjaly V Mižnarodnaha kanhresa bielarusistaŭ “Novaje slova ŭ bielarusistycy” (20–21 maja 2010 hoda) (Bielarusika=Albaruthenica, 32) [A new word in linguistics: proceedings of the V International Congress of Belarusians “A new word in Belarusian studies” (May 20–21, 2010) (Belarusian studies=Albaruthenica, 32)]*. Minsk, Chetyre chetverti, 2012, 260–272.

Mikhał'chenko V. Iu. (ed.). *Slovar' sotsiolingvističeskikh terminov (Dictionary of Sociolinguistic terms)*. Moscow, 2006. Available at: https://iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (accessed 29 August 2024).

Mikhał'chenko V. Iu. Iazykovi konflikt v polietnitcheskom gosudarstve [Language conflict in a multi-ethnic state]. In: Bitkeeva A. N., Mikhał'chenko V. Iu. (eds.). *Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaia konferentsiia (Moskva, 16–19 sentiabria 2014): Doklady i soobshčeniia [Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014): Reports and communications]*. Moscow, Institut iazykoznanii RAN, 2014, 210–214.

Moorman-Kimáková B. *Language related conflicts in multinational and multiethnic settings*. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 2016. 289.

Murav'eva N. V. *Iazyk konflikta [The language of the conflict]*. Moscow, Izdatel'stvo MEI, 2002. 263.

Nelde P. H. Research on language conflict / Sprachkonfliktforschung. In: Ammon U., Dittmar N., Mattheier K. J., Trudgill P. (eds.). *Sociolinguistics: an international handbook of the science of language and society = Soziolinguistik: ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. Vol. 2*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2005, 1346–1353.

Oksaar E. Multilingualism, language contact, language conflict [Mehrsprachigkeit, Sprachkontakt, Sprachkonflikt]. In: Nelde P. H. (ed.). *Language contact and language conflict [Sprachkontakt und Sprachkonflikt]*. Wiesbaden, Steiner, 1980, 43–52.

Pakhomov V. M. Zachem lingvisty “portiat” iazyk? [Why do linguists “spoil” the language?]. In: *#vsem-diktant channel, Yandex.Zen*. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/vsemdictant/zachem-lingvisty-portiat-iazuk-rasskazyvaet-vladimir-pahomov-5e0366be8f011100ae3cfdde> (accessed 26 December 2021).

Polkanova A. A. Poniatie “konflikt” v lingvistike. Osnovnye podkhody k ego izucheniiu [The concept of “conflict” in linguistics. The main approaches to its study]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Ser. Iazykoznanie [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Linguistics Series]*. 2010, 5(584), 199–207.

Ramza T. R. Mezhdru real'nost'iu i igroi, ili "novye" nositeli belorusskogo iazyka i ikh rech' [Between reality and the game, or "new" native speakers of the Belarusian language and their speech]. In: Dudziak A., Orzechowska J. (eds.). *Language and text in structural and functional terms: a Jubilee book dedicated to Prof. A. Kiklewicz on the occasion of the 60th anniversary of his birthday [Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym: Księga jubileuszowa dedykowana Panu Prof. A. Kiklewiczowi z okazji 60. urodzin]*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie, 2017, 359–368.

Ramza T. R. Taraškievica i narkamaŭka: ci još hramatyčnaje procistajannie? [Tarashkevitsa and Narkomovka: is there a grammatical confrontation?]. In: *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 2018, 66, 409–432. DOI 10.26485/RKJ/2018/66/24

Rapoport B. Obyknovennyi seksizm [Ordinary sexism]. In: *Colta*, 24.03.2015. Available at: <https://www.colta.ru/articles/media/6755-obyknovennyi-seksizm> (accessed 05 March 2022).

Reiher R. (ed.). *Language in conflict: The role of language in social, political and military conflicts [Sprache im Konflikt: Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen]*. Berlin, New York, De Gruyter, 1995. 479.

Sedov K. F. Iazykovaia lichnost' v aspekte psikholingvisticheskoi konfliktologii [Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology]. In: *Trudy mezhdunarodnogo seminara «Dialog-2002» po komp'iuternoi lingvistike i ee prilozheniiam [Proceedings of the international seminar "Dialog-2002" on computational linguistics and its applications]*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov> (accessed 29 August 2024).

Sedov K. F. Tipy iazykovykh lichnostei i strategii rechevogo povedeniia (o ritorike bytovogo konflikta) [Types of linguistic personalities and strategies of speech behavior (on the rhetoric of domestic conflict)]. In: *Voprosy stilistiki. Iazyk i chelovek: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Stylistic issues. Language and man: an interuniversity collection of scientific papers]*, 1996, 26, 8–14.

Somin A. A. Iazykovaia refleksiiia v sovremennoi Belarusi skvoz' prizmu kommentariiev v internet-SMI [Linguistic reflection in modern Belarus through the prism of comments in the online media]. In: *Vestnik RGGU. Ser. Istoriiia. Filologiiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie / Moskovskii lingvisticheskii zhurnal [Bulletin of the RSUH. Series History. Philology. Cultural studies. Oriental studies / Moscow Linguistic Journal]*, 2015, 17(1), 62–86.

Somin A. A., Polii A. A. Belarus' vs. Belorussia: struktura odnogo lingvopoliticheskogo konflikta v sotsial'nykh media [Belarus vs. Belorussia: the structure of one linguistic and political conflict in social media]. In: *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational linguistics and intelligent technologies]*, 2016, 15(22), 645–659.

Tret'iakova V. S. Konflikt glazami lingvista [Conflict through the eyes of a linguist]. In: Golev N. D. (ed.). *Iurislingvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskoi bytii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Legal Linguistics-2: the Russian language in its natural and legal existence: an interuniversity collection of scientific papers]*. Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2000, 127–140.

Tret'iakova V. S. Konflikt v lingvisticheskikh kategoriiakh [Conflict in linguistic categories]. In: Golev N. D., Chernyshova T. V. (eds.). *Iurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiia i iurisprudentsiia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Legal linguistics-10: Linguoconflictology and jurisprudence: interuniversity collection of scientific papers]*. Kemerovo, Barnaul, Izdatel'stvo AGU, 2010, 141–149.

Ulasievich V. I., Daŭhulievich N. M. Sloŭnik novykh sloŭ bielaruskaj movy [Dictionary of new words of the Belarusian language]. Minsk, TetraSystems, 2009.

Woolhiser C. New speakers of Belarusian: Metalinguistic discourse, social identity, and language use. In: Bethea D. M., Bethin C. Y. (eds.). *American contributions to the 15th International congress of slavists: Minsk, August 2013*. Bloomington, Indiana, Slavica, 2013, 63–115.

Zvereva V. Setevye razgovory: Kul'turnye kommunikatsii v Runete [Network conversations: Cultural communications in Runet]. *Bergen, Slavica Bergensia*, 10, 2012. 279. DOI 10.15845/sb.11.11